

— Подумаешь, больно-то и хотелось с тобой считаться.

— Ты у меня погостишь пару дней?

Поломавшись для вида, Се Цинши не выдержал и все же ответил Цинь Юйяню, но, чтобы показать, что он все еще дуется, нарочно отвернулся к окну.

— А-Юй, А...

Не дождавшись ответа от человека на пассажирском сиденье, Се Цинши наконец обернулся и обнаружил, что тот, прислонившись к стеклу, уже крепко спит.

— И сколько же ты не смыкал глаз? Выглядишь таким изможденным, а при встрече все равно улыбался мне.

Се Цинши с тяжелым сердцем прошептал эти слова, опустив взгляд.

Он догадывался, как тяжело пришлось Цинь Юйяню одному нести траур по деду, но, заметив темные круги под его глазами, невольно почувствовал, как к горлу подкатил ком, а веки предательски покраснели.

Он припарковал машину у обочины, молча прибавил температуру в салоне и укрыл спящего пледом с заднего сиденья.

Вспомнив, что Юйянь не хочет афишировать свое возвращение, он направил машину к своей квартире.

...

Корпорация Гу

— Господин, молодой господин Юй сегодня утром вернулся в город S, его встречал молодой господин из семьи Се.

— Они вели себя крайне осторожно, пока об этом почти никто не знает.

В кабинете, оформленном в классическом стиле, помощник почтительно протянул планшет с записью из аэропорта человеку, занимавшему главное кресло.

Сидящий за столом мужчина внимательно вглядывался в экран. Его пальцы с четко очерченными суставами постукивали по столешнице, а между бровей залегла глубокая,

неразрешимая складка скорби.

Ему было всего двадцать семь, но он излучал такую гнетущую, удушающую властность, что даже помощник, проработавший с ним пять лет, невольно трепетал под его напором.

Помощник знал, как сильно его босс опекает младшего господина из семьи Цинь, поэтому, видя, как хмурится начальник, невольно затаил дыхание.

Долгое время в кабинете царила тишина, наконец, мужчина заговорил:

— Убери все записи с камер наблюдения вокруг аэропорта. Не допусти утечки слухов. Если он решил не светиться, значит, на то есть свои причины. Помоги ему скрыть эту информацию.

— И выясни, почему он внезапно вернулся в город С.

— Слушаюсь.

Услышав приказ, помощник с облегчением выдохнул и потянулся, чтобы забрать планшет со стола.

Однако, не успел он дотянуться, как наткнулся на ледяной взгляд начальника.

Этот взгляд был пронизан холодом, от которого по спине пробежали мурашки. Помощник поспешно отдернул руку и поспешил выйти из кабинета.

Он не видел, как после его ухода человек, казавшийся ему ледяной глыбой, нежно коснулся пальцами лица на экране планшета.

— Ты ведь так боишься холода, почему же так легко одет?

— Скажи, узнаешь ли ты меня, если я встану перед тобой? Я вернулся, чтобы любить тебя, Нянь-нянь.

Гу Чэнь не сводил глаз с экрана, застыв на мгновение, а затем продолжил, и любовь в его глазах, казалось, готова была выплеснуться через край.

...

Тем временем Се Цинши добрался до своей квартиры, где часто останавливался, когда жил отдельно. Загнав машину на парковку, он тихо сидел рядом с Цинь Юйанем, дожидаясь, пока тот проснется.

Полуденное солнце пробивалось сквозь стекло, озаряя спящего и окутывая его мягким сиянием.

У него была тонкая, бледная кожа, длинные изогнутые ресницы и изящный разрез глаз, что делало его лицо необычайно красивым даже во сне.

При движении головы несколько прядей волос упали на лоб, придавая обычно яркому и дерзкому юноше нотку беззащитности.

Боясь нарушить этот покой, Се Цинши старался дышать как можно тише.

Но вскоре Цинь Юйяня охватили кошмары. Несмотря на предельную усталость, спать спокойно он не мог.

Его лицо побелело, брови судорожно сдвинулись, зубы впились в губу. Тело начало мелко дрожать, из горла вырывались хриплые, невнятные звуки, а обрывки слов невозможно было разобрать.

Мучимый болью, он судорожно вцепился в плед, словно пытаясь найти хоть какую-то опору.

...

— Нянь-нянь, прости меня. Дедушка скоро отправится к твоей маме и бабушке.

— Ты же знаешь, твоя мама такая робкая, вечно плачет, а бабушка одна ее не защитит.

Старик, лежащий в кресле-качалке, выглядел изможденным. Его дыхание было прерывистым, глаза потускнели от недуга, а весь облик выражал крайнюю слабость.

Но когда он заговорил, в его голосе звучало невероятное спокойствие, словно он уже давно смирился с концом.

— Не вини бабушку. Она слишком сильно любила твою мать, поэтому и вымещала свою обиду на тебе.

— Но, Нянь-нянь, ты должен понимать: во всех случившихся бедах нет твоей вины. Когда сердце переполнено невысказанной болью, трудно обрести счастье.

Старик ласково улыбался изящному, печальному юноше, и в каждом его слове сквозила нежность наставника.

По правде говоря, прожив полжизни, он понимал: если человек не может переступить через себя, никакие советы не помогут.

Но его время истекало, и он боялся, что его Нянь-нянь так и останется запертым в прошлом, не в силах двигаться вперед.

Он часто думал: как было бы хорошо, если бы этот человек оставался ребенком — дай ему конфету, и он улыбнется, упадет — заплачет, и не нужно постоянно подавлять себя, обманывать, улыбаясь и говоря, что все в порядке.

Словно в приливе предсмертного прояснения, тусклые глаза старика вдруг блеснули, и он продолжил:

— Нянь-нянь, жизнь никогда никого не обделяет намеренно. Если она дарит тебе тень, значит, где-то неподалеку обязательно сияет солнце.

— Посмотри, за окном по-прежнему цветут цветы, солнце светит ярко и ласково. Но чтобы увидеть это цветение, ты должен сам выйти на солнечную дорогу.

— Мы можем горевать об уходе близких, но нельзя позволять этому горю поглотить нас навсегда.

Его щеки ввалились, под глазами залегли глубокие тени, но темно-карие очи смотрели на юношу с бесконечной любовью.

Перед самой смертью он сказал то, о чем молчал прежде. На самом деле, сказать это следовало давным-давно, но он знал, как сильно юноша противится разговорам о прошлом.

Тот жил в постоянном страхе перед пережитым, словно раненый, который инстинктивно отдергивает руку, стоит лишь коснуться его раны. Поэтому слова утешения опоздали на много лет.

— Дедушка так хотел пройти с тобой еще немного пути, хотел увидеть, как ты избавишься от чувства вины, но сил больше нет.

— Пообещай дедушке: что бы ни случилось, живи достойно и никогда не забывай, почему я называл тебя Нянь-нянь.

Старик собрал последние силы, чтобы погладить юношу по голове, и ласково улыбнулся, прощаясь с единственным человеком, который был ему дорог.

Затем, преодолевая боль, он приподнялся в кресле, согнувшись под тяжестью недуга, и

посмотрел на него угасающим взглядом.

Его движения становились все медленнее, тело дрожало, будто каждое действие требовало нечеловеческих усилий.

Дыхание смерти окутало комнату, принося с собой чувство безысходности.

Юноша, казалось, понимал: если он даст обещание, дедушка без колебаний покинет его, поэтому медлил.

Но, увидев в помутневших глазах старика мольбу и муку, он все же кивнул, сжимая от боли сердце.

Получив согласие, старик улыбнулся из последних сил — морщинистое лицо расцвело, словно сухое дерево, в которое вдохнули жизнь.

Но юноша видел, что его жизнь сейчас подобна хрупкому пламени свечи, которое может погаснуть в любой момент.

Старик из последних сил говорил так много лишь в слабой надежде, что это тепло сможет хоть немного согреть давно остывшее сердце юноши.

К несчастью, все его старания оказались тщетны...

Вскоре тело старика бессильно откинулось назад, иссохшая рука безвольно упала, и дыхание оборвалось.

<http://bllate.org/book/20043/1980143>